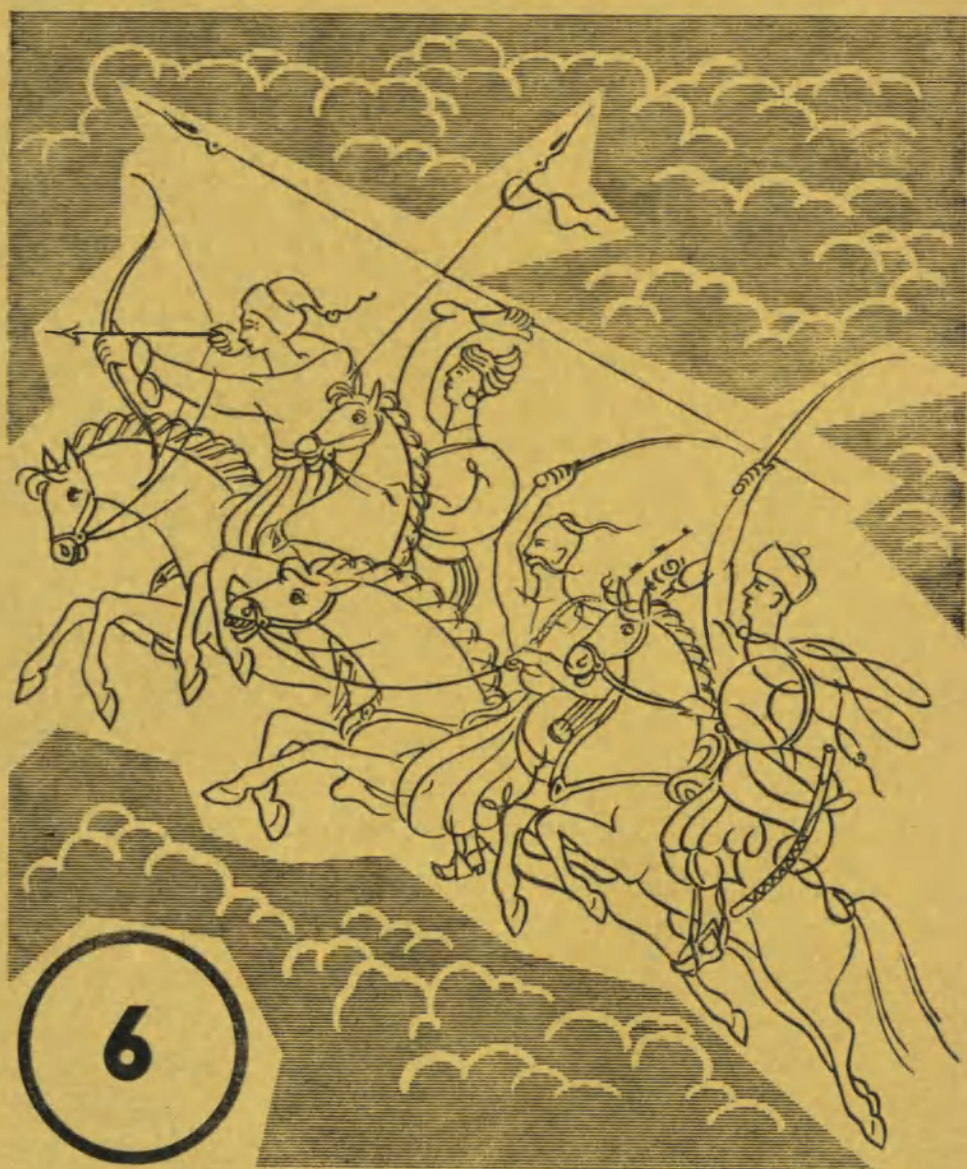

КАЗАКИА

COSSACKIA – KOSAKENLAND

СОДЕРЖАНИЕ

Наша смена	1
Мы их не забыли	2
Дело Лиенца продолжается (П. Поляков)	4
Заслуженная награда (Д. Родионов)	8
Казачия ядинства (Юхим Супоня)	9
Из России на Дон (Взводный урядник)	10
Den Kasaken; Hoffnung für Dereinst (B. Frhr. von Richthofen)	12
Прошлое (Е. Кочетов)	13
Перепелиная смерть (П. Поляков)	17
Наполеон (И. Саранский)	18
Репрессированные писатели	21
Мюнхенская хроника	22
Китайская драма	23

К А З А К И Я COSSACKIA - KOSAKENLAND

Но. 6

Май

1963

НАША СМЕНА

Зелеными растет она, наша смена и сами не заметили мы как быстро и дружно поднялись новые всходы, радуя нас, вселяя в сердца наши новые надежды и спокойную уверенность, что дело нами начатое с нами не кончится, но перейдет в крепкие молодые руки.

Вот они, гордость наша, казачата Станицы имени А. И. Кулабухова в Чикаго.

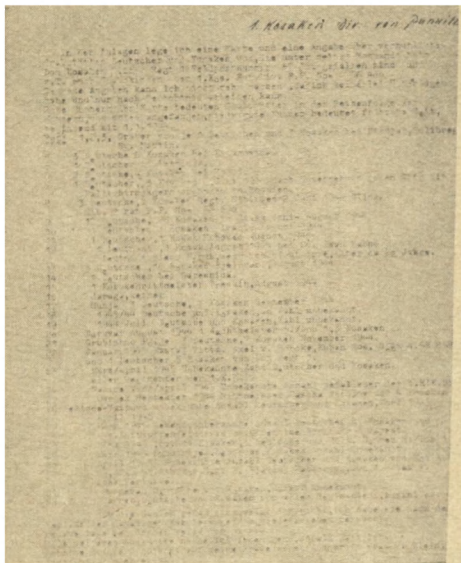
Родились и выросли они на чужбине, но, знаем мы, сделают они все, чтобы освободить ее, нашу родную Казачью Землю и, вернувшись в свои курени, вспомнить там нас добрым словом. Слава им, будущим борцам, за Долю и Волю Казачью.

В первом ряду, слева направо: Мария Козлова, Николай Козлов, Вера Зубенко, Владимир Сурменко, Валерий Горячев и Евгений Горячев.

Во втором ряду, слева направо: Петр Манжула, Александр Зубенко, Лидия Горячева.

МЫ ИХ НЕ ЗАБЫЛИ

Вот они, два маленькие снимка с донесения немецкого офицера, командовавшего одним из полков пятнадцатого кавалерийского корпуса. Кружками на карте обозначил он названия городов и селений в которых велись этим полком бои. В приложенном к карте письме говорит он о местах погребения павших в этих боях. Вот их перечень:

1, 2, 3 — могилы в кот. лежат по одному немцу и по три казака, Стар-як, Голибрег, Св. Мартин.

4 — три немца, шесть казаков, Писаровина.

5 — один немец, Петринья.

6 — два немца, четыре казака, Войнич.

7 — один немец, три казака, июнь 44 г. после акции против Тито с парашютистами в Боснии.

8 — три немца, восемь казаков Сибирского полка 2-го июня 44, Глина.

9 — двенадцать немцев, двадцать восемь казаков, Сисак, июнь 44.

10 — один немец, три казака, Иванич, август 44 г.

11 — один немец, один казак, Врбовец, август 44 г.

12 — один лейтенант, один казак, август 44 г. Св. Иван Жабно. Фамилия лейтенанта, если не ошибаюсь, Унру, 20 лет.

13 — три немца, 16 казаков, Беловар, август 44 г.

14 — один немец у Гарешницы.

15 — Есаул Трескин, август 44 г.

16 — Яруга, без потерь.

17 — Сунья, три немца, три казака, сентябрь 44 г.

18 — Костайница — число неизвестно.

19 — Банья Лука, число павших неизвестно.

20 — Дарувар, август 44, один вахмистр Пятого Донского полка, три казака.

21 — Грубишно Поље, три немца, семь казаков, ноябрь 44 г.

22 — Январь 45. Бастай. Ротмистр Аксель фон Борке, Кубанского Каз. полка № 4. и один немец и пять казаков Первого Донского полка.

23 — Март-апрель 45. Неизвестное число немцев и казаков всех полков Первой дивизии.

24 — Нашице. Март-апрель 45. Неизвестное число немцев и казаков Первой каз. кав. дивизии.

25 — Осек, сентябрь 44. Ротмистр Саша Воронов и четыре казака.

26 — Белишче-Валпово, неизвестное число немцев и казаков, март 45. апрель 45 г.

27 — Март 45 г. Ременд, неизвестное число немцев и казаков, и из 11 воздухопловной дивизии, наступление на Будапешт.

28 — март 45, 11 казаков, три немца, оберлейтенант Сандер 5-го Донского полка Перв. дивизии.

29 — март 45 г. Сухополье. Немцы и казаки. Число неизвестно.

30 — апрель 45 г. Неизвестное число немцев и казаков. Высокие потери.

31 — Джурджевац, немцы и казаки, число неизвестно.

32 — Загреб. Немцы и казаки, павшие всех полков, число около 40.

После трехлетней вооруженной борьбы за свой Порог и Угол двадцать лет терпел Казачий Народ советскую власть, ссылки, раскулачивания, искусственный голод, коллективизацию, все то, что называем мы Казачьим народоубийством советского образца, в отличие от Казачьего народоубийства образца западного.

И восстал он, Народ Казачий, поголовно, когда к землям нашим подошла Германская армия. Немецкие политики того времени казаков, как и иных, за людей не считали.

Как многие западные дельцы сегодня.

Эти милостивые государи, помня, что в свое время в Советском союзе казаков уничтожали, что само имя Казак было запрещено, пытаются итти дорогой большевиков и добить казаков на Западе, стереть имя их с карты мира.

На Запад пришли мы веря, что найдем здесь помощь в нашей борьбе начатой нами против коммунизма еще в 17 году. И с ужасом констатируем, что антикоммунизм здесь пока еще не больше как средство политической спекуляции с одной стороны, как возможность подработать с другой.

Здесь, вместо помощи и поддержки, нашли мы врагов, врагов подлых, пытающихся нас окончательно уничтожить.

Счастливы были деды наши. Они воевали с противником и уважали его. Умирили от пули неприятеля который, честно борясь за свое дело, сам шел на жертвы и смерть. Весело праздновали деды наши победы над достойным противником.

Мы же на Востоке нашли врага подлого, низкого, пошедшаго не только против нас, против Земель Казачьих, но и против Бога нашего.

И на Западе нашлись люди пошедшие дорогой наших врагов на Востоке. То, что делается этими людьми против нас не только подлость, не только безграничная глупость. Это сознательно расчитанное наперед преступление народоубийства, дискриминации, уничтожени целого народа.

Расчитанное так же холодно и бездушно, со зверской ненавистью, как и расчитывался размер печей для сжигания трупов в Бухенвальде и Дахау.

Уходя от врагов на Востоке искали мы друзей на Западе. И, несмотря ни на что верим, что все-же их найдем. Верим, что то ничтожное, что служит здесь делу коммунизма под маркой антикоммунистов, будет заменено, выброшено вон.

Ибо если этого не случится придется Западу в отчаянии наконец понять, что те, кому доверили сейчас здесь многое, работали на Москву.

Будем верить, что здесь спохватятся вовремя.

Не сделают этого — со срамом погибнут.

А мы, мы не убоимся. Мы пойдём и дальше нашей дорогой.

ДЕЛО ЛИЕНЦА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

*Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов...*

Бесчисленные запросы казаков из всех стран мира о том, почему в радиостанции «Свобода» в Мюнхене нет казачьей редакции, и выяснившееся, наконец, совершенно недвусмысленное поведение Американского комитета в отношении казаков, заставляют нас, совершенно открыто и прямо, информировать казачье общественное мнение о всем, что происходит, памятуя, что в эмиграцию ушли мы после трехлетней вооруженной борьбы с коммунистами, что во второй мировой войне снова поголовно поднимался наш народ против Москвы и снова дал несчетные жертвы и что все это обязывает нас быть такими же в этой антиказачьей холодной войне, какими были мы в войнах «горячих».

Несколько лет тому назад Верховное казачье представительство было принято в организацию «Парижский Блок» и когда последняя получила возможность издавать свой журнал «Проблемы народов СССР» редактором этого журнала на заседании мюнхенского Комитета Блока был избран Свирид Довгаль, украинец, а секретаром редакции Павел Поляков, казак. Сразу-же после того как начал печататься журнал Блока, начались затруднения. Статью о казаках удалось напечатать лишь в четвертом номере и то после того как она была буквально изрезана цензорскими ножницами г-на Дреера, сотрудника Американского комитета в Мюнхене. Здесь следует напомнить, что это был второй случай в жизни автора статьи, когда его писания подверглись самой жестокой цензуре. В первый раз пражское Гестапо три раза вернуло его статью, позднее напечатанную в декабрьском номере газеты «Казачий Вестник» за 1944 год.

Еще хуже оказалось дело с печатанием имени страны казаков «Казакия». Американцы из комитета и слышать об этом не хотели. Особенно яро против этого названия ратовали в Блоке Али Кантемир и Бердимурат, оба, кстати, одновременно работавшие в Американском комитете. После того как вопрос этот, рассмотренный на специальном заседании Парижского Блока, был решен все-же положительно и было постановлено впредь в журнале печатать «Казакия», при печатании очередного номера, после того как из машины вышло 200 экземпляров, печатание было остановлено, слово «Казакия» заменено словом «казаки», а представитель казаков в Блоке узнал о всем лишь после того как весь выпуск журнала был напечатан. На его вопрос кто это проделал редактор отказался назвать ту «силу» которая в Блоке могла хозяйничать как она хотела.

Для полной иллюстрации дальнейшего приведем посланное в Американский комитет казачьим представителем письмо:

Г-ну Вильяму Клюмпу Мюнхен. 6-го ноября 1961 г.
Милостивый Государь, многоуважаемый г-н Клюмп!

Препровождая при сем один экземпляр первого номера редактируемого мной журнала «Казакия», честь имею обратиться Ваше внимание на следующее:

В июле месяце прошлого года, задолго до конференции «Парижского Блока», был я лично предупрежден одним американцем, что отдельными лицами из Блока и из Американского комитета «создан заговор» с целью удаления Казаков из Блока.

Мой информатор объяснил участие в этом заговоре представителя Американского комитета тем, что он, стоящий на позиции «неделимой России», считает Верх. Каз. Представительство совершенно неприемлемым т. к. русские, соглашаясь на многое в отношении иных нерусских наций, к вопросу государства казаков Казакии остаются бескомпромисны.

План действия этих «заговорщиков» был мне сообщен подробно и лишь позднее, на состоявшейся конференции Блока, убедился я в правильности полученных мной информации.

Имена главных застрельщиков этой постыдной истории следующие: А. Кантемир, Бердимурат, Абрамчик, Цинцадзе, Довгаль и, со стороны Американского комитета, Дреер. Для облегчения своих планов эта компания заручилась сотрудничеством с неким Еременко, проживающем в Америке и выступившим «возглавителем» «оппозиции» Верховному Казачьему Представительству.

После проведения всей этой заранее разработанной комедии нам было заявлено, что Казаки лишь временно оставлены в Блоке без права голоса, впредь до выяснения с кем именно Блок в будущем будет сотрудничать.

Это заявление было заранее придуманной ложью, т. к. Блок вообще не возвратился к этому вопросу, но, пойдя дальше и без постановления Конференции, противно собственному статуту, исключил Казаков из своих списков. В номере 9-ом журнала «Проблемы»... в списке организаций входящих в Блок Казаки больше не упоминаются.

Здесь позволим себе сразу-же подчеркнуть, что такое «уничтожение слова и имени Казак» происходит в нашей истории во второй раз. В первый раз это было проделано большевиками специальным декретом в июле 1923 года! Это было сделано коммунистической партией, понимавшей, что только полным физическим уничтожением всего Казачьего Народа и полным преданием забвению даже имени его можно что-либо достигнуть в борьбе с этим непримиримым врагом коммунизма. . .

В случайно попавшемся нам одиннадцатом номере журнала «Проблемс» (казакам этот журнал почему-то не высылается) Казаки в списке организаций Блока снова не упомянуты.

И «деятельность» Блока и его журнал финансируются Американским комитетом. Естественно, что все, что творится в этой организации, Комитету известно.

Из всего вышеизложенного ясно, что:

1 — Парижский Блок — его отделение в Мюнхене — организация явно работающая на казачьей дискриминации и геноциде.

2 — Журнал «Проблемс» . . . с его редактором С. Довгалом, пробежавшим «дистанцию огромного размера» от издания на средства 3-го Райха журнальчика с картинками для остарбайтеров с Украины до журнала финансируемого Американским комитетом — средство казачьей дискриминации.

Законом 86-90, принятым единогласно Конгрессом США, провозглашена Неделя поработанных наций. В списке поработанных народов Казакия стоит на подобающем ей месте.

Рады мы здесь подчеркнуть, что Американский Конгресс оказался на высоте понимания проблем борьбы против коммунизма. К сожалению с Американским Конгрессом не согласны:

1 — Москва

2 — Русская эмиграция

3 — Американский комитет «Свобода»

4 — Парижский Блок и его журнал и Кантемир, Довгаль, Абрамчик и прочие.

Не одну сотню тысяч жертв дал Казачий Народ в борьбе против коммунизма. Только Казаки поднимались в прошлом против господства Москвы. И даже ей, этой Москве, несмотря на декрет из 1923 года, ни «имени ни слова Казак» уничтожить не удалось. И не удастся это никому!

Чтобы Американский комитет, спровоцированный упомянутыми господами, не оказался в Казачьем вопросе союзником Кремля, ему следует немедленно же принять соответствующие меры. Для их разработки я готов сделать мои предложения, получив ответ на это мое письмо.

В случае противном заявляю, что долг мой как Казака — борьба против дискриминации и геноцида — исполню так, как найду нужным.

С совершенным почтением П. Поляков».

На процитированное выше письмо Американский комитет не удостоил нас ответом. Своевременно, от имени Всеказачьего союза в Сербии, послали мы меморандум по казачьему вопросу Розенбергу, назначенному Гитлером на Восток. И Розенберг нас тогда ответом своим не удостоил. Для него все

те, кто жил на Востоке, были унтерменши. Для Американского Комитета Казаки что-то среднее между индейцами и ковбоями, что-то вроде «нигерс» с Миссисипи.

В особенности если принять во внимание «языковый принцип» царящий в этом комитете. Для радио «Свобода», в котором столько-же свободы, сколько в «Правде» правды, те, кто говорит по-русски, только русские. «Говорите вы по-русски?» спросил нас обершарфюрер Вагнер в белградском Гестапо. «Да, по-русски». «Зи зинд руссен» отрезал он авторитетно. И как не доказывали мы ему нашу нерусскость, ничего не вышло. Вопрос с регистрацией казаков в Белграде отдельно от русских пришлось улаживать умолчав о нашем языке. Американский комитет оказался железобетоннее белградского Гестапо. Жаль!

Здесь, для полной картины, напомним лишь, что вся комедия с уничтожением Казачьего имени в Парижском Блоке и журнале «Проблемс» была проделана следующим образом:

Из Мюнхена в Америку был послан служащий Американского комитета, северо кавказец, вошедший там в связь с Г. Еременко. Нам неизвестно работает ли Еременко там-же где и этот кавказец или он действительно пошел на удочку обещаний, что вместо Верховного Представительства в Блок будет принята «оппозиция». После первых же встреч началась бешеная пропаганда против Верховного Представительства, были поданы соответствующие «заявления», а северокавказец, вернувшись сразу-же из Америки в Мюнхен, избирается на конференции Блока в члены комиссии решающей казачьи «недоразумения». Несмотря на отпор украинцев казаков из Блока исключают. «Оппозиция» сыгравшая роль казачьих иуд, в Блок все-же, несмотря на услугу, не принимается. Казачье имя в журнале «Проблемс»... выброшено. Характерно подчеркнуть, что духовным «вождем» этой оппозиции является кубанский гамсел взятый в плен казаками при десанте из Крыма. До последнего момента скрывавшийся от казаков в плавнях красногвардеец хотел было пальнуть в прочищавших камыши казаков, был ими забран, привезен в Крым и... теперь работает дальше. Кстати — напрасно наши станичники возмущаются тоном писаний в журнале этой «оппозиции». Удивительного тут ничего нет. Если бы одесские карманщики или ростовские жулики начали печатать про свое «життя» они тоже писали бы на своем единственно им принадлежащем жаргоне. Шапка тут по Сеньке.

И так — при помощи «оппозиции» — Абрамчик, Кантемир и Американский комитет постарались «стереть с карты» казаков окончательно. Под этим заголовком прошла в журнале «Проблемс» единственная статья о казаках. Из нее понравился Американскому комитету и Абрамчику, Цинцадзе и Кантемиру только сам смысл стирания с карты мира целых народов по примеру коммунистов.

Для удаления казаков из Блока пользовались отговоркой, что вот, мол, у них — оппозиция и Блоку неизвестно с кем же он может сотрудничать. Тут подчеркнем, что почти у всех групп в Блоке есть оппозиции. На последней конференции Блока в Мюнхене появилась из Парижа грузинская оппозиция заявившая, что Цинцадзе никого не представляет и потребовавшая его

изгнания из Блока. С этой оппозицией никто в Блоке и разговаривать не захотел. Зато в том же журнале «Проблемс» за подписью Кантемира вышли статьи о Северном Кавказе, граница которого указана по реке Кобани, а казаки, как жители Кубани, вообще не упоминаются. Напоминается и о мире Турции с Московией по которому граница того-же Кавказа лежит «в трех днях верховой езды от Дона!» Аппетиты, как видим, у многих развиваются не только во время еды, но в зависимости от того корыта которое и кормит и ставит за оплату этой кормежки свои условия.

Нам крайне неприятно, нам тяжело констатировать, что в наше время еще находятся люди способные итти стопами «иберменшей», пытающиеся самыми неблагоприятными способами добить остатних казаков.

В этом деле казачьего геноцида, казачьей дискриминации, особенную роль играли Американский комитет «Свобода» и белорусс Абрамчик, грузин Цинцадзе, туркестанец Бердимурат и, наконец нашедший недавно свои окончательные границы, северокавказец Кантемир. Нам жаль, что меж украинцами есть и такой как Свирид Довгаль, «редактирующий» журнал на английском языке, которого он совершенно не понимает, но понимающий, прекрасно технику получения mzды за соответствующие услуги.

Казакам же надо себе окончательно уяснить, что Москва бьет нас не только на фронтах во время войны, она добивает нас и руками тех, кто принципы считает предрассудком, или, как и Адольф, полагает себя «иберменшем».

И, конечно-же, при помощи наших собственных просхвостов.

П. Поляков

З А С Л У Ж Е Н Н А Я   Н А Г Р А Д А

Из балканских войн известен такой случай:

Турецкие войска окружили славянский город. Славяне готовы были защищать свой город и свою свободу до последней капли крови. Однако турецкий паша послал гонца к управителю города с предложением сдаться без боя, так-как турки превосходят силами защитников города.

— Сдашь город и станешь пашой — закончил гонец.

Подумал управитель над предложением, соблазнился и приказал открыть ворота города, а сам пошел встречать пашу и получить награду.

Турки вошли в город. Паша увидел управителя и отдал приказ схватить его и связать.

— Паша! Я приму вашу веру и буду верен султану! — воскликнул тот.

— Ты не был верен своему народу, в котором родился. Ты не был верен своей вере, в которой крещен! Как же ты будешь верен своему неприятелю?

Затем, повернувшись к янычарам, паша сказал:

— Срубите голову изменнику своего народа.

Приказ был выполнен тут-же.

Д. Родионов

Як розказував сотник Юхим Супоня, було це в вийну турецьку, колы повстричалыся козаки з турками. Було козаків стодванадцять, а турков дванадцять.

Былысь-дралысь, былысь-дралысь, поки поривнялысь.

И казаків стало дванадцять!

Тоди й крычить сотник Юхим Супоня:

— А ну, хлопци, по кони!

А Грыцько и каже:

— А в мене-ж кобыла!

— Та сидай на кобылу, черт з тобою!

Так Грыцько, за сим часив, на кобылу як той горобчик сив. Оттаки буды наши Чорноморци!

За сорок с лишком лет эмиграции дрались мы дрались и поривнялысь. Було стодванадцять, а стало дванадцять.

И этим пользуются наши враги. И остатних хотят добить.

Станишники, не будем ждать пока сядет Грыцько на кобылу. Будем делать дело. Все те, кто способен к положительной работе.

Помните — об одеждах наших уже мечут жребий!

ИЗ РОССИИ НА ДОН

В Петрограде настал продовольственный кризис. Бывало, что по день-два вообще не выдавали продуктов. Недополученное, конечно, не спрашивай. Нашим лошадям, вместо сена и овса, начали давать макуху, да и ту не сполна. Лошади у казаков, как известно, собственные и казаки стали требовать либо корму для коней, либо отправки на Дон. Особенно после того, как узнали, что 10-го декабря 1917 года Дон объявил себя самостоятельной независимой республикой.

Во второй половине января 1917 года (все даты по старому стилю) с согласия большевистского правительства с большим трудом данного, наш полк отправился на Дон, в свою окружную станицу. Предполагалось все старшие года распустить, а оставить лишь две переписи рождения 1897-98 годов. Наконец-то двинулись мы в станицу Урюпинскую. По прибытии на станцию Борисоглебск, в 18 верстах от Донской границы, комиссар станции нам заявил, что вагонов дальше нам он не дает и мы должны продолжить наше движение походным порядком. Ильич, так назвал он Ленина, велел не пропускать вагонов на казачью территорию, т. к. казаки потом этих вагонов не возвращают. На вопрос казаков, а куда деваются казачьи вагоны приходящие с Дона в Россию, комиссар лишь пожал плечами. В это время подошел и наш второй эшелон, а через пол часа прибыл и третий, в котором ехал комиссар полка и полковой комитет. После долгих споров с комиссаром станции наконец договорились, что комиссар полка и полковой комитет дадут ему расписку в том, что вагоны будет немедленно возвращены. Наконец-то мы двинулись дальше.

По прибытии в станицу Урюпинскую старшие возрасты были немедленно распущены по-домам, а в конце марта и остальные. Остались лишь комиссар полка да полковой комитет, всего 4 человека, для ликвидации казенного имущества. Позднее вся эта четверка перешла на службу к большевикам. Процент, как видим, на целый полк вовсе незначительный. Позднее, когда казаки восстали против московских бандитов, удалось им захватить в плен двух из своих комитетчиков, которые и были немедленно же повешены.

В первых числах апреля 1918 года в станицу Урюпинскую пришел отряд красногвардейцев в составе около пяти тысяч человек, хорошо вооруженных. Все они имели винтовки и были крест-на-крест обмотаны пулеметными лентами с патронами. Были у них и пулеметы и орудия. В половине апреля из станицы Урюпинской были высланы два красногвардейских карательных отряда каждый в составе около трехсот человек, при двух пулеметах. Их задачей было установить советскую власть, сбросить атаманов и правления, а на их место избрать комитеты по семь человек в каждой станице. Отряды двинулись один по станицам вверх по реке Хопру, а второй вниз по Бузулуку. В нашу станицу этот отряд прибыл неожиданно во второй половине апреля 1918 г., около 10 часов утра.

Остановившись на церковной площади красные сразу-же навели один пулемет на станичное правление, а второй на дом священника, заставив церковного сторожа бить в колокола. На площади осталось лишь начальство отряда и их охрана, человек с сорок. Остальные были посланы по станице выгонять все население на митинг. Одна казачка сказала, что она не может идти на митинг потому что у нее малые дети и их одних она оставить не может, кроме того, добавила она, наши казаки позавчера выбрали нового атамана, а потому нам ни комиссара ни комитета не надо. Красногвардеец ударил за это казачку прикладом в грудь. Она упала и потеряла сознание. После удара она долго болела и кашляла кровью.

Когда народ собрался на площади, перестали звонить в колокола и в первую очередь стал говорить какой-то оратор хваливший все время советскую власть и говоривший о том, как всем при ней хорошо жить будет. Потом говорил комиссар отряда угрожавший казакам всеми бедами, если они советской власти не признают. Наконец было приказано избрать комитет из 7-ми человек, вместо атамана и его помощников. Лишь под вечер отряд ушел из нашей станицы, направляясь, очевидно, в станицу Зотовскую. Отряду этому нужно было подняться в гору около четырех верст, чтобы потом выйти на широкий шлях, всего кружным путем будет верст двадцать. Значит этот отряд должен был заночевать где-нибудь по дороге на каком-нибудь хуторе. Казаки, по уходе отряда, расходиться и не думали, а решили обсудить создавшееся положение. Многие высказались за то, чтобы этот отряд немедленно же уничтожить. Если этот момент мы упустим, говорили они, то через недели две придет еще больший и мы тогда с ним бороться не сможем. Действовать надо немедленно.

Решили послать трех человек в станицу Зотовскую по прямой дороге, через лес, всего семь верст. Во первых предупредить атамана и правление о приходе красных для установления советской власти, потом рассказать о всем, что у нас было и кроме того сказать, что у нас уже нашлось много десятков казаков-добровольцев. Если и у зотовцев найдутся добровольцы то наши немедленно придут к ним. Когда соберется достаточное число казаков, то в ближайших дворах устроить засады и как только красные придут в станицу и расставят пулеметы, солдат пошлют по улицам выгонять население на митинг, а начальство и охрана останутся на площади, вот тогда и ударить на них со всех боков.

Так и договорился. Как по нотам все разыграли. Отряд был почти поголовно уничтожен, лишь часть попала в плен. Те, кто был послан по улицам выгонять население пытались уйти из станицы и бросились на пристань. На берегу нашли они старую баржу, так как две хороших вчера были перегнаны на другой бок Дона и насадились в нее около ста человек. А Хопер разлился и был около четырех верст в ширину. Когда баржа отплыла от берега казаки ее стали обстреливать, красные, в панике, стали прятаться друг за друга, баржа перевернулась, набрала воды и пошла ко дну. Все красногвардейцы бывшие на барже перетонули. Для сортировки сдавшихся в плен была избрана комиссия. В то время в красной гвардии служили лишь русские добровольцы от 17 до 40 лет. Комиссии было приказано рас-

пустить по домам всех тех, кто по молодости лет еще не служил во время войны 1914-17 годов, но переписать их имена и сказать им, что если попадутся еще раз то тогда пощады не будет. Тех же, кто принимал участие в войне, не хотел оставаться на фронте, а пошел на Дон наводит свои порядки — всех расстрелять.

(Продолжение следует)

Взводный урядник

DEN KOSAKEN

Golden glänzt die alte Kirche,
grün ihr Dach am runden Turm.
Durch die Birken in der Nähe
fährt ein wilder Steppensturm.

Als er schwieg, erklangen Lieder,
edler Kirchenchorgesang.
Stumme Beter knieten nieder.
Glockenruf die Luft durchdrang.

Die Kosaken ernst getragen
sangen nach der Väter Art,
haben auch in schwersten Tagen
ihren Glauben sich bewahrt.

Hohn und Hassen der Tyrannen
nie der Starken Herz zerbrach.
Was die Bösen auch ersannen,
einmal endet es in Schmach.

Wolken sich zusammenbrauen
oft zu finster – dunkler Nacht.
Endet einst der Knechtschaft Grauen,
den Erlösten Sonne lacht.

HOFFNUNG FÜR DEREINST

Wolga, Wolga deine Wogen
strömen durch gequältes Land.
Stumm von Nord nach Süd gezogen
treffen sie der Steppen Rand.

Dunkle Wälder, offne Fluren
wechseln mit einander ab.
Alter Freiheitskämpfe Spuren
kündet einsam manches Grab.

Schwermutvolle Lieder mahnen
oft uns an Kosakenleid,
doch ein starkes Freiheitsahnen
hat der Hoffnung sich geweiht.

Sehnen trägt ein neues Klingen
durch der alten Lieder Ton.
Mög der Zukunft einst gelingen,
ihm zu spenden ihren Lohn.

Jubelnd würde freudig danken
der Beglückten frohes Lied,
wenn ihr Blick dann ohne Schwanken
frei den Weg der Heimat sieht.

Bolko Frhr. von Richthofen

Немецкий поэт Фрайхерр Болко фон Рихтхофен написал эти два стихотворения посвященные Казакам.

П Р О Ш Л О Е

Тимофея Савельевича Меркулова

(Продолжение. См. «Казакия» № 5)

Была у Тимофея столетняя бабушка, мать его отца. Давно потеряла она зрение и тихо сидела в своей маленькой комнатке, читая по четкам молитвы. Редко кто к ней заходил. Но когда Савелий Ефимович пришел со сватовства, он сразу же пошел к своей матери.

— Кто там? спросила его слепая мать.

— Это я, мама, отозвался Савелий Ефимович и тут же начал рассказывать ей что нонче сосватали они за Тимофея Дуняшку Шпынева. И хвалить враз начал — куда там девка! Из себе славная, работающая, ростом как и Тимофей и с лица не плохая.

— Я ее не знаю, ответила мать. На этом и кончился их разговор. Но когда Савелий Ефимович стал уходить и перешагнул порог, крикнула ему мать:

— Сынок! Позови ко мне Тимошу. Пусть он сейчас придет ко мне. Я кой-что скажу ему.

Тимофей немедленно появился на пороге бабушкиной комнатки.

— Это ты, Тимоша? спросила она.

— Я, бабушка, ответил Тимофей.

— Подойди-ка, Тимоша, поближе ко мне. Тимофей подошел. Старушка расставила свои руки и начала ловить его, а когда он совсем близко подошел, взяла она его в свои объятия, начала плакать и прижимать его к себе, и в слезах говорила:

— Как бы я, Тимоша, хотела видеть твое лицо! И жены твоей. Но верно за грехи мои взял Господь мое зрение. Вот был у меня сейчас отец твой и говорил, что за тебя сосватали ноне Дуняшку Шпынева. А они вовсе недавно откуда-то перешли в наш хутор. А может они, Тимоша, неказики? Смотри лучше, Тимоша. А то не дай Бог греха! Она тебя погубить может.

— Да ну, бабушка, этого быть не может, отозвался Тимофей. Я их знаю как еще они перешли в наш хутор. И надел имеют, значит казаки. Да и фамилия казачья: Шпыневы.

— Ну гляди, Тимоша. Я вот много прожила на свете и помню еще и доси бабушку мою, царство ей небесное. Рассказала она мне, когда я еще малой девченкой была, разные страшные случаи, которые случались над казаками и один из ее рассказов остался у меня в памяти на всю жизнь.

Посадив возле себя Тимофея повела бабушка свой страшный рассказ:

— Было это давно, когда еще ниодна чужая нога не наступала на нашу казачью землю. Не было тогда столько хуторов и станиц, как теперь. А жили казаки городками, в которых стояли церкви вот так-же как в нашем хуторе. И жили они все по своим казачьим порядкам. Вот в одном таком городке проживал казак с женой и сыном. Сын их был вылитый в мать. Отец-мать не могли нарадоваться на своего сына. Когда стал он во взрослых

годах задумали отец-мать женить его вот как и тебя, Тимоша, но никак не могут найти ему красавицу такую как и он сам красавец был. А на краю того городка проживал один неказак и была у него дочка-красавица, которая держала себя в одиночестве и мало показывалась меж людей. Но когда кто из казаков видал ее, то не мог налюбоваться ее красотой. И кто бы к ней не подходил всех она отбрасывала. И вот один раз этот наш красавец-казак проходил мимо ее палисадника в котором сидела она под зеленой грушей и что-то вязала. Он занял ее разговором. Взглянула она на него, будто как растерялась и приняла его разговор. . . С тех пор завели они знакомство, которая продолжалась пока они не поженились и не зажили счастливой жизнью.

— Но вот, продолжала бабка свой рассказ, в одну прекрасную ночь просыпается красавец-казак, а на кровати нет жены! Где она, подумал он? Отлетел от него сон. Ждать-пождать, под утро является. Где ты была, спросил муж. Где я была, там меня уже нет, сердито ответила жена, быстро разобралась и повалившись в кровать в скорости заснула. На другую ночь повторилось то-же самое. Рассказал молодой казак все отцу-матери и посоветовали они ему подкараулить свою жену куда она ходит. Вот на третью ночь легли они спать, муж спать и не думает, не брал его сон. Около полуночи встала жена с постели, быстро убралась, вышла во двор и пошла по улице, направляясь к церкви. Муж ее тут же убрался и стал ее преследовать. Перешла его жена весь городок и направилась на кладбище. Муж за ней. Вошла она на кладбище, а там еще такие-же женщины как и она — едят выкопанных мертвецов. Когда увидел это муж, подбег сзади к жене, схватил ее и крикнул:

— Идем домой!

Она быстро повернулась к мужу и крикнула: Вон отсюда, а то и тебя съедят! Тут он повернулся и без оглядки побег домой, разобрался и лег в постель. Мучили его мысли и никак он придумать не мог, что же это с его женой.

Под утро является жена домой, разобралась и легла спать. Муж тихо встал, прошел к отцу-матери и рассказал все что он видел на кладбище. Отец-мать просили сына ничего жене не поминать.

На утро, когда мать слотовила завтрак, крикнула она сыну, чтобы шли молодые к столу. Сын вошел к жене, толкнул ее и велел ей вставать. Косо взглянула она на него, поднялась и пошла умываться. Когда начала она мыться подошел к ней муж и крикнул:

— Мой в роте, а то мертвечиной воняет!

Жена схватила кружку с водой, повернулась к мужу и крикнула — Цыц! И ка-ак дать из кружки водой ему в лицо. И в тот момент исделался он кобелем!

— Вон со двора! крикнула жена, да как даст кобелю ногой под ребра, так он на двор и выскочил. Увидали это все отец-мать и начали плакать.

— Замолчите! — крикнул им она, а то и вам то же будет!

А кобель бегал-бегал по двору, подбег к воротам, посмотрел на окна дома, откуда глядели на него обливаясь слезами отец-мать и пустился в путь-дорожку куда только глаза его глядели.

Бег он долго, пока не добежал до речки около которой остановился обоз с товарами, который шел в один город и вез одному копец эти товары. Остановились те люди возле речки чтобы пообедать и дать коням передохнуть. Кобель увидел тех людей, свернул к ним и приласкался так, что взяли они его, дали ему оставшейся каши, а когда тронулся обоз дальше, то и кобель пошел за обозом. Когда пришел обоз в город и сдал товары купцу, то тот купец заинтересовался кобелем и попросил его себе у извозчиков. Те ему кобеля и отдали.

— Но, Жучек, так назвал кобеля купец, потому что кобель черный был, теперь будешь ты со мной в магазине. И с тех пор стал Жучек неотлучно лежать возле ящика с деньгами.

Вот один раз взошел в магазин покупатель, купил товару на три рубля и заплатил трехрублевой бумажкой. Взял ту бумажку купец и положил в ящик. Покупатель стал было выходить из магазина, да Жучек схватил его зубами за полу и притянул его назад к ящику. А потом достал из ящика трехрублевку покупателя и дает ее купцу. Грнул тот на трехрублевку, а она фальшивая. . .

Вышел купец из магазина в обед, а около дверей стоит толпа стариков. Стал купец рассказывать им о том, как Жучек мог угадать фальшивую бумажку, а один белый как лунь старик и говорит:

— А знаете ли вы, что это испорченный человек, а не кобель! Знаю я где его можно вылечить!

Как только услышал Жучек те слова, бросился он к старику и начал лизать его сапоги.

— Берите его, сказал купец, везите в лекарю.

— Но, Жучек, сказал старик, теперь идем со мной. И пошел тот старик с Жучком к себе домой.

Как только пришел старик к себе домой сразу-же стал он готовиться в дорогу. Запрет лошадей в фургон, взял в него Жучка и покатали они по ровной проселочной дороге которая вела в неизвестную даль. Долго ли, коротко ли ехали, неизвестно, но скоро подъехали к дремучему лесу, в который вела небольшая дорожка. Поехали они по той дорожке пока не увидели в стороне между вековыми деревьями убогую хатку, к которой старик и повернул лошадей и остановил их возле ее порога. Тут старик соскочил с фургона, оставил в фургоне Жучка, а сам пошел в хатку. Когда отворил он двери той хижини то увидел ветхую старуху сидевшую в углу на пеньке поросшем мохом. Что-то шептала она своими дрожащими губами, а возле нее сидел черный кот с желтыми глазами которыми так и впился он в старика. Не нарушая тишины старик стоял у порога и глядел на старуху, буд-то желая угадать ее мысли или распознать о чем она шепчет.

Вдруг будто от сна очнулась старуха. Взглянула на старика и спросила:

— За чем пожаловал ко мне, по какому делу? Старик сделал низкий поклон и ответил:

— Я к вашей милости с большим горем. Привез я к вам человека обращенного в собаку. Только вы можете помочь этому человеку, потому-что лежит о вас добрая слава, дошедшая и до нас и за нас. Прошу я вас помогите этому бедному человеку.

— А кто испортил его, спросила старуха.

— Этого я не знаю, ответил старик.

— А ну-ка кликни ка его сюда!

Тут старик вышел из хижины и крикнул Жучку, который давно того дождался.

— Ну, Жучек, идем в хижину.

Жучек вбег в хижину впереди старика и стал быстро смотреть на старуху. Взглянула на него старуха и сказала:

— Ага, это жена его испортила!

И начала старуха суетиться. Достала из пыльного угла какие-то лекарства в глиняных кувшинах и поставила их посреди хижины, начала в них бросать какое-то зелье, все время что-то шепча. Много кувшинов наставила старуха. Потом принесла беремья дров, положила их посредине хижины и полила какой-то жидкостью из одного кувшина. А когда плеснула на дрова из другого кувшина, дрова те загорелись.

— А ну-ка, молодчик, сигай через этот огонь! — крикнула старуха Жучку. Жучек не долго думая пересигнул.

— А ну-ка в другой раз!

Обратно Жучек перепрыгнул.

— А ну-ка в последний раз!

Жучек приготовился повторить прыжок, но огонь тут разгорелся большим пламенем перешедшим из красного цвета в синой, а потом в черный.

Высоко прыгнул Жучек и на другой стороне распластался на животе во образе человека и из прежнего Жучка опять появился красавец-казак. Как только встал он с земли, бросился он старухе в ноги и начал их от радости целовать и плакать. В слезах спросил он старуху, что же должен он ей заплатить.

— Ничего мне не надо, отозвалась старуха. Только помни мою доброту, что спасла я тебя от злой жены. А может быть желаешь ты, чтобы стала твоя жена перед тобой?

— Желаю, отозвался казак.

Тут взяла старуха небольшой черный платок, вышла из хижины, стала около порога на небольшой пень, начала тем платком махать, призывая имя жены казака. Через короткое время предстала перед старухой серая кобыла оседлана казачьим седлом, а на передней луке висит казачья плеть.

— Но, красавец, обращается теперь старуха к казаку, садись на нее и пори ее плетью до тех пор, пока она не покается и не скажет, что никогда не будет того делать. А тогда, вот тебе пузырек, сбрызни ее и она снова обратится в женщину.

Пал казак старухе в ноги, благодаря за спасение. А так-же обратился и к старику благодаря его за его труды и заботы. И тут же распрощался со старухой и стариком, сел на свою жену-кобылу, взял в правую руку плеть и сместа потянул кобылу через лоб так, что она головой крутнула, рванулась с места и понесла его как сильный вихорь. Погонял казак жену-кобылу плетью то по бокам, то по голове, пока не принесла она его к его куреню. Подскакал он к своему двору, а отец-мать увидали его, бросились к нему и стали его обнимать-целовать.

После радостной встречи подвел казак кобылу к столбу, привязал ее крепко и пошли все в курень где рассказал сын отцу-матери все подробно как было и кто освободил его от собачьей шкуры. А жена-кобыла стоит у столба не пивши и не евши и все поглядывает на курень, не выйдет ли ее муж. И как не был на жену казак сердит, все-же сжалился он, потому что любил он ее так, как только казак свою жену любит, подошел к ней, а она повернула к нему свою голову и из кобыльих глаз полились слезы. И стала она махать головой, будто сказать хотела, что клянется она никогда больше этого не делать, что она сделала. И пала она на передние ноги, как на колени перед своим мужем. Тут брызнул казак ей в глаза из того пузырька жидкостью и из серой кобылы получилась опять красавица жена. И зажили они как и прежде. Да на долго-ли?

Е Кочетов

ПЕРЕПЕЛИНАЯ СМЕРТЬ

д-ру Ярославу Гриневичу

Как с густой шамарой, да в полночной тиши,
Зашептались в испуге шурша камыши.
Зашушукались ветлы, почуя войну
И рванул он, гранатный разрыв, тишину
И взметнулся как вихорь огонь к небесам,
В жутком грохоте смерть понеслась по степям
И стеною поднялся ревуший пожар.
Дымом черным закрылось сиянье стожар...
А гнездо перепелок в густом ковыле
Разнесло, раскидало кругом по земле!
И весь выводок был на траве перебит...
А?

За что?

Почему?

Кто-же мне объяснит?

П. Поляков

А вся эта история во как началась:

Поехал деда моего дед, Явграф Евстигнейч, в Санктпитебурх. По своим дялам. Дегтю што-ли, гвоздей-ли, или красного товару купить, точно не знаю. Так. Поехал он это, знатит, в Питер. Накупил всего, что по хозяйству нужно и к приятелю своему, русскому царю Александру Павловичу на чаек свернул. А знакомства у них ишо с тех пор была как прияжжал русский царь в нашу Березовскую станицу куропатей стрелять и бреднем щук ловить.

Тогда ему, русскому царю, деда моего дед Явграф Евстигнейч такие рыбные места по Медведице показал, что не успевал русский царь червяка насаживать, так хорошо и сазан, и ласкырь, и плотва брали. И такая у них дружба с тех пор завязалась, что водой не разлить. И велел деда моего деду, Явграф Евстигнейчу, русский царь, к нему, Александру Павловичу, завсегда во дворец на чаек сворачивать, как только укажет ему дело в Петербург проехать.

Вот значить приехал деда моего дед Явграф Евстигнейч в Питер, на взъезжей квартире коней оставил, по Невскому проспекту прошел, глядь — сидит русский царь в дворцовом саду на вольном воздухе под вышней и чай с сахаром пьет. Зашел это Явграф Евстигнейч в сад, ну конечно, здорово дневали — слава Богу, туды-суды, все как полагается. Садись, говорит царь, Явграф Евстигнейч, с нами чай пить. Сели. Когда глядь, а вот и царица с дятишками. Спосылал тут царь госпожу Хрейлину за алимончиком в лавочку. Через улицу знакомый ему человек торговал и брал не дорого. Ишо и водочки для радостной встречи прихватили. Да. Сидять это они, про рыбную про ловлю разговор у них зашел, чай пьют, рюмочки у них по столику похаживают, ну рази не взойди в тот момент какой-то человек к русскому царю в сад.

Из себе так, не дюже видный. Росту которенького, пузатый и шляпа на нем какая-то чудная, поперек головы надета. Увидал его русский царь и встречать побег. Подводит его к столу и говорит: — а это, Явграф Евстигнейч, царь французский, Наполеоном звать, к нам в гости пожаловал.

Поручкались как полагается и обратно чай пить сели. Об том об сем толковали и зашел у них разговор про войну, про то у кого войско лучше и кто кого где подолел.

Хвалится царь русский, хвалится Наполеон и такая у них несусветная бряхня зачалась, што Явграф Евстигнейчу слушать обрыдло.

Набил он трубочку табачком самосадам, затянулся покрепче, да и говорит Наполеону:

— Знаешь что, ваша французская вяличество, ты хвалиться брось. Мыть на Дону слыхали как тебе в Египетской земле арапы морду набили. Да и в Испании не дюже тебе подвезло. Так вот если хотишь ты правильную слову слышать то не дай тебе Бог на нас, казаков, наскочить. Так мы тебе наклеим, что ужасаться будешь.

Батюшки мои, как тут Наполеон осерчал. Да я, говорит, не только русского царя, а и вас, казаков, ежели вы с ним вместе пойдете, побью!

Затянулся дедов дед Евграф Евстигнейч табачком из трубочки, затянулся да и говорит:

— А давайте поспорим! Одолеем мы, казаки, тебя, Наполеона, отдашь ты мне твои золотые часы с цепком вместе, эти што хреномер называются.

— Сава — говорит Наполеон. А ты, Явграф Евстигнейч, когда подолею я тебе, отдашь мне шубу твою донскую да боченок цимлянского в Париж пошлешь.

Сам царь русский спорщикам руки разымал.

Посидели они ишо трошки, ишо два самовара чаю выпили, о том о сем погугарили и разъехались.

Явграф Евстигнейч прямо в Черкасск рванул. К Платову-атаману. Обсказал яму все как было. Осерчал было-к Платов здорово.

— На кой черт, говорит, спорил ты с энтим чудаком. Он и без тебе скрозь в драку лезить. Ить он таперь и на самом деле через Березину-речку переходить зачнеть.

Но вскорости чудок отошел и приказал чтобы казаки помаленьку к походу готовились.

Не прошло тому много времени, сидить это дедов дед Явграф Евстигнейч и в Мишкиной протоке на червяка сазанов ловить. Сидить это он, когда глядь — а по бугру казак верхи бягить и на пике у него красный значек трепетя. Понял тут Явграф Евстигнейч, что раз красное, то добру не быть, что война начинается, подседлал своо гнедого, по домашности распоряжению исделал, окстился на образа и на сборный пункт поскакал.

Как вся война происходила говорить тут некогда. Дошел это Наполеон до самой Москвы, засел в Кремле, сидить и чавой-сь то думать. Крепко задумался. А атаман Платов и Явграф Евстигнейч за второочередными полками на Дон поскакали. Выступили это они с теми полками в поход, выступить то выступили, да на хуторе Семимаячном чудок застряли. А потому застряли, что у знакомой им жалмерки, у Марьпетровны, мед особый был. Сама она этот мед варила по рецепту какой ей ишо от бабки ее досталси.

Да. Особый мед был! Пьют они его — неделя проходит. Обратно пить зачинають — второй недели как не бывало. Вот в эту самую пору и подлетает к жалмеркину куреню коннонарочный. От царя Александры Павловича к Атаману Платову с пакетом.

И вот что в нем царь русский, в письме, написал:

— Дорогие мои атаман Платов-генерал и дружок мой Явграф Евстигнейч!

Сапчаю вам, что неустойка у mine выша. Во-взят побил меня проклятый Наполеон. А ежели вы пьянствовать не бросите то и до вас доберется. Пропала тогда Явграф Евстигнейчева шуба. Помагайтя, ради Христа. Истем досвиданья.

Александр. Самодержец всероссийский и прочия!

Ну конешно атаман Платов и Явграф Евстигнейч царю русскому враз ответ дали:

Дяржись, не боись. Зараз выступаем!

Войска Донского атаман Платов.

Явграф Евстигнейч, урядник и кавалер.

Тут и пошли наши станишники. Как зачали француза бить, как зачали его мутузить, обсказать страшно. И велел атаман Платов Явграф Евстигнейчу на Вислуу речку иттить и Наполеону путю отступлению отрезать.

Зашел это Явграф Евстигнейч от ляску к переправе, глядь — ан скачет тройка, а в ей сам Наполеон сидить. Выскочил с полком из лесу Явграф Евстигнейч.

— Стой, шумить, ваша французская вяличества, погоди трошки. А ишо скажи ты мне чья войска сильнее и кто кого подолел, а?

Вынул тут Наполеон молчака часы золотые с цапком вместе, энти што хреномер называются, вынул и Явграф Евстигнейчу подает.

— На, говорит, деваться, говорит, некуда, prospорил. А у самого — слезы. И стало Евграф Евстигнейчу Наполеона жалко.

— Ты чаво, спрашивает, кричиш, а?

— А как же мне, говорить Наполеон, не плакать. Посадять таперь мне на святую на Елену, на остров, на отсидку, а жане и дятишкам исть нечего будить.

Не охота была Явграф Евстигнейчу, да сердца он отходчивого был. Вернул он Наполеонови часы с цапком вместе.

— На, говорит. Яжжай домой. Да пока не посадили тебе, отдай их жане. Няхай продасть да чаво дятишкам поить купить. И ишо из тороков сала донского кусок фунта на чатыре вынул, Наполеону отдал.

— Это табе, когда где на ночевку остановишься. Яишню зажарь, яиц у хозяйки выпроси. Да вот табе и баклажка замест боченка. В ней мед донской. Две недели мы его с атаманом Платовым пили. У жалмерки одной, на хуторе Семимаячном.

Оно дело лучше было-б коли-б ты не с войной к нам пошел, а заехал погостевать по-хорошему. Угостили б мы тебе во-как. Мы, казаки, многих угощали, ну как нам отплатили, об том иной раз.

И велел Явграф Евстигнейч казакам Наполеона в плен не брать, а отпустить его домой с миром.

— Ему, сказал, добрые его соседушки, битому, так таперь наклеють, што нам на это противно глядеть будить. Народ там, говорит, чудок иной. Там он сальца не разживетса.

И. Саранский

ИЩУТ ИДЕЮ

— «За время моего ректорства в Тюбингене пришли как-то ко мне представители студентов и сказали:

— Нам хотелось бы устроить марш с факелами, как это делалось раньше. Только мы незнаем никакого повода для этого. Нет ли у вас какой-нибудь идеи».

(Проф. Гедмут Тилике, Гамбург. Статья в «Вельт» под заголовком: «Имеет ли Запад какую-нибудь идею»)

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В ССР КАЗАЧЬИ ПОЭТЫ И ПИСАТЕЛИ

Казачий Музей и Архив в Нью Йорке устроил доклад известного литературного критика и лектора Колумбийского университета В. К. Завалишина на тему «Репрессированные в СССР казачьи писатели и поэты». Доклад привлек много посетителей, которые с большим вниманием и интересом выслушали яркий реферат о страдном пути казачьих поэтов и писателей, в большинстве закончивших свой жизненный и творческий путь в концентрационных лагерях.

Докладчик лично знал перечисленных им писателей и с многими из них был в близких дружеских отношениях.

В годы Нэпа два имени особенно привлекли к себе внимание. Это были писатель с Дона М. Шолохов и писатель с Кубани Кухтин. Первый дождался мировой славы и признания, а второй попал в ссылку в Соловки, где провел около шести лет. Только благодаря хлопотам М. Шолохова и Артема Веселого, тоже казачьего поэта, впоследствии репрессированного, Кухтину удалось вырваться из Соловецких лагерей. Кухтину, в прошлом казачьему офицеру, было особенно трудно, но благодаря Артему Веселому (Кочкурову) он все-же выпустил свою весьма интересную книгу «Кубань», в которой протестовал против зверского раскулачивания на Кубани, против насилий и выселений. Спустя шесть месяцев после появления этого романа «Кубань» была изъята из продажи, а автор был арестован и позднее, видимо, погиб в одном из советских застенков. По своему стилю и талантности Кухтин не уступал Шолохову.

С появлением романа Шолохова «Тихий Дон» пошли слухи о том, что этот роман написан не Шолоховым а Кухтиным. Однако сам Кухтин тогда опроверг эти слухи. Опасность грозила и самому Шолохову. Когда Сталин прочитал последний том «Тихого Дона» он был особенно недоволен тем, что герой этого романа Мелихов не стал большевиком или небыл ими уничтожен. И в «Поднятой Целине» Шолохов предполагал покончить со своим героем Давыдовым, ярим большевиком, в застенках НКВД во время ежовщины. Но по настоянию Хрущева Шолохов кончил со своим героем иначе: его убивают восставшие казаки.

Другой казачий писатель, Михаил Зуев-Ордынец, одновременно крупный этнограф, просидел в лагерях 18 лет и был освобожден в октябре 1950 года. Им написано «Сказание о граде Китеже» книга говорящая о жизни сибирских казаков, бежавших в тайгу от раскулачивания. Сразу-же после выхода в свет книга эта была конфискована. Написанная им после освобождения из лагерей книга «Торф» тоже не понравилась властям предрержащим и Ордынец сошел со сцены. . .

Большим казачьим поэтом был Павел Васильев, доживший, благодаря «заботам родной партии» только до 27 лет. Лучшие его произведения «Повесть о гибели Казачьего Войска», «Соляной Бунт» и многие иные. По утверждению докладчика Павел Васильев в поэзии сыграл такую же роль как Шолохов в прозе.

Докладчик подробно остановился на творчестве писателя Артема Веселого (А. Кочкурова), с которым он встречался в доме своих родителей и был связан личной дружбой. Собирая материалы для своей книги «Гуляй Волга» А. Веселый на простой лодке проделал путь Атамана Ермака, посещая при этом все музеи и архивы; знакомясь на местах с документами о Ермаке и его сподвижниках. Несмотря на то, что Веселый был членом партии, он был в 1938 году расстрелян.

Писатель-казак Аркадий Первенцев появился лишь после реабилитации Сталиным Суворова, Кутузова, Нахимова. Ему принадлежит большой роман «Кубань». Мирошниченко, автор романов «Азов» и «Осада Азова», Сафонов и другие, долго скрывали вообще свое казацье происхождение, т. к. в СССР это является «отягчающим вину обстоятельством». Так например козацкий писатель Закруткин, член ред. коллегии ежемесячника «Дон», отрёкся от своего родного брата и тот погиб в концлагере.

МЮНХЕНСКАЯ ХРОНИКА

Заседание при баварском министерстве работ и соц. обеспечения

Двадцать пятого апреля с. г. в помещении Баварского Министерства работ и социального обеспечения, под председательством государственного секретаря г-на Шютц, при ассистенции регирунгсдиректора г-на Хергл, состоялось заседание Совета иностранцев (Байрата) при этом Министерстве. На повестке дня стояли вопросы: Ситуация в сборном лагере для иностранцев Цирндорф; окончательное закрытие лагерей Дипи в Германии; обеспечение квартирами иностранцев; помощь иностранцам при открытии ими предприятий и кредиты на квартиры; новый закон о рентах и пенсиях; помощь при включении в хозяйственную жизнь страны; помощь в культурных и церковных нуждах. На заседаниях присутствовал, кроме официальных лиц, целый ряд представителей немецких каритативных организаций, как и священники эмигрантских церквей. Кроме тринадцати членов Совета, в котором одно место имеют и Казаки, на заседании приняли участие и заокеанские организации помощи иностранцам. Заседание продолжалось 4 часа, все доклады были строго деловые и полностью освещали затронутые в повестке дня вопросы. После дискуссии, в которой особенно большое участие приняли немецкие священники, внесшие ряд деловых предложений и ряда пожеланий высказанных иностранцами, собравшимся был представлен новый уполномоченный Высокого комиссара по делам беженцев, имеющий постоянное местопребывание в Бад-Годесберге.

В союзе свободных журналистов

В пятницу третьего мая, в помещении Отеля «Регина» в Мюнхене состоялся доклад г-на Богдана Гаврилишина, профессора из Женевы, на тему

«Хозяйственное развитие ССР и свободного мира». Союз свободной прессы, объединяющий в Германии эмигрантские печатные органы, имеет в своем составе более двадцатипяти нац. групп. После прошлогоднего посещения Берлина и Бонна, Союзом готовится объединение иностранных журналистов во всей Европе, а на месяц июнь предположена выставка эмигрантских изданий, которая после Мюнхена переедет в Бонн и Барлин.

Донская казачья станица

В субботу 20 апреля в ресторане «Дитрих фон Берн» состоялась Пасхальная встреча казаков Донской Казачьей Станицы в Мюнхене и приглашенных на нее гостей. После короткого слова сказанного Атаманом станицы П. М. Брыкалиным и приветствий прочитанных членом Правления станицы, присутствовавшие пропели «Христос Воскресе», поздравили взаимно друг друга и под пение казачьих песен и игру югославянского гармониста остались в долгой дружеской непринужденной беседе. Не обошлось конечно без танцев продолжавшихся до полуночи.

ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫ ПРАЗДНИК

Польский национальный комитет в Мюнхене ежегодно устраивает празднование дня провозглашения Польской Конституции. 3-го мая 1791 года. На этот раз, после церковной службы, состоявшейся в церкви Св. Барбары, в помещении «Колпинггауз» была проведена встреча всех друзей Польши, на которой, после официальной части, была поставлена пьеса польского автора, группа танцоров из Нового Ульма привела в восторг зрителей, а хор «Лютня», с хористами детьми из Мюнхена, пел польские народные песни.

Богатство костюмов, оживленные детские лица, неподдельная веселость исполнителей, артистов, танцоров и певцов, чисто польская любезность с гостями все это, из года в год, заставляет еще долго вспоминать об этом празднике, каждого, кто имел удовольствие на нем присутствовать.

КИТАЙСКАЯ ДРАМА

По сообщениям из Тайпея, там, 4. 4. 63, маршал Чан Кай Шек дал интервью издателю газеты «Чикаго Сан Тайм» в котором подчеркнул, что было бы крайне прискорбным если бы «на нашей дороге помощи нашему народу были поставлены какие-нибудь барьеры. Китайский народ, когда он поднимается, нуждается в нашей помощи и если найдется ктонибудь, кто попытается ему в этой помощи отказать, он это запомнит. Я не хотел бы, чтобы большой резервуар симпатий в китайском народе к США был бы уничтожен».

Супруга маршала, принимавшая участие в этом интервью, прибавила, что у нее создалось впечатление, что Америке еще не ясно какую ненависть питает китайский народ к коммунизму и подчеркнула, что правительство Чан Кай Шека вовсе не ожидает помощи американской армии, даже не желает ее, т. к. все это лишь исключительно китайское дело.

Национальный Китай имеет армию в 430.000 человек, служащих в 21 пехотной дивизии, двух танковых дивизиях и одном воздушно-десантном полку. Флот имеет 10 миноносцев, 50 иных кораблей и несколько сотен десантных катеров. 400 истребителей и 1.000 пилотов составляют его авиацию, лучшую во всей Азии.

В. В. Д.

Усть-Медведицкого округа, станицы Глазуновской
казак

Петр Федорович Крюков, Донской поэт,
волею Бога Нашего скончался во Франции 7. IV. 1963.

Вечная ему память и слава. Продолжим его дело.

† П. Ф. КРЮКОВ

Отрывки из стихотворения «Донским Казакам»

.....

Нам наши предки завещали
Идти казачьим лишь путем.
Они за Дон свой умирали
В бою, на плахе под мечем.

.....

Так наши предки погибали
За Волю, Правду и Закон
И нам, потомкам, завещали:
«Храните вечно вольным Дон».

.....

Мы не изменим ни Закону
Ни клятве нашей: верным быть,
По смерть Отчизне нашей — Дону,
Донской Республике служить.

ПОСТУПЛЕНИЯ НА ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА «КАЗАКИЯ»

Станица в Торонто — Канада, 260; Станица в Чикаго, США, 39; З. Ф. 16;
С. Морозов, 18,60; Б. Бабкин, 18,60; Н. Боровлев, 35; А. С., 3,80; Л. А. З., 50;
Всего 441,00 ДМ.

К А З А К И Я

журнал казачьей националь-
но-освободительной мысли.

Издатель: Верховное Казачье
Представительство за Рубежом.

Цена отдельного номера:
В Зап. Германии — 2 НМ.
В США и Канаде — 0.50. \$
В иных странах по соот-
ветств. курсу доллара.

Редактор: П. Поляков.

К О С А К И Я

Zeitschrift für Kosakische Freiheit und
Unabhängigkeit.

Herausgeber: Oberste Kosakische Re-
präsentation im Exil.

С О С С А К И Я

Magazine for the Cossack's Freedom
and Independence.

Edited by: Supreme Cossack's Re-
presentation in the Exile.

Editor P. Poljakow
W. Germany. München 45. Postfach 1.
Phone 31 69 01

ПЕРЕВЫБОРЫ В КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЕ ГОРОДА ГАМБУРГА

Казачи- националисты гор. Гамбурга, собравшись 3-го марта с. г. на годовичное собрание в квартире станичника П. Г. Гурова, провели перевыборы Правления своей организации.

Председателем собрания был избран ст-к Д. С. Трухин, секретарем Н. Боровлев.

После доклада о работе Правления за истекший срок, на пост станичного Атамана был избран долголетний и неустанный борец за Казачью Долю и Волю опытный в казачьей общественной работе, Петр Гаврилович ГУРОВ, казак станицы Боковской ВВД. Помощником его избран ст-к Дмитрий Сергеевич ТРУХИН, а писарем Никифор Константинович БОРОВЛЕВ.